

Шульженко А.С.

студент

Научный руководитель: Анисимова А. М., к.ю.н.

*Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Московский финансово-промышленный университет
«Синергия».*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ (2020–2025 ГГ.)

Аннотация: В статье анализируется эволюция модели социальной политики России под влиянием беспрецедентных шоков 2020–2025 годов: пандемии COVID-19, демографического кризиса и масштабного санкционного давления. Обосновывается тезис о переходе от патерналистской модели социального государства к концепции «активного» социального контракта и адресным инвестициям в человеческий капитал. На основе анализа данных Росстата и нормативно-правовых актов исследуются изменения в системах пенсионного обеспечения, поддержки семей с детьми и регулирования рынка труда. Выявлены ключевые противоречия между декларируемыми целями национальных проектов и реальными бюджетными ограничениями. Сделан вывод о необходимости дальнейшей цифровизации социальных услуг и адаптации институтов соцзащиты к платформенной занятости.

Ключевые слова: социальная политика, социальное государство, социальный контракт, демография, санкции, неравенство, адресность, национальные проекты

Author: A. S. Shulzhenko

Student

Academic Supervisor: A. M. Anisimova, PhD in Law

Institution: Autonomous Non-Profit Organisation of Higher Education
«Moscow Financial-Industrial University Synergy»

TITLE: THE EVOLUTION OF RUSSIA'S SOCIAL POLICY MODEL
UNDER THE IMPACT OF UNPRECEDENTED SHOCKS (2020–2025)

Abstract:

The article analyzes the evolution of Russia's social policy model influenced by unprecedented shocks between 2020 and 2025: the COVID-19 pandemic, demographic crisis, and large-scale sanctions pressure. The thesis substantiates a transition from a paternalistic welfare state model to the concept of an «active» social contract and targeted investments in human capital. Based on Rosstat data and analysis of normative legal acts, changes in pension systems, support for families with children, and labor market regulation are examined. Key contradictions between the declared goals of national projects and actual budgetary constraints are identified. The conclusion emphasizes the necessity for further digitalization of social services and adaptation of social protection institutions to platform employment.

Keywords: social policy, welfare state, social contract, demography, sanctions, inequality, targeting, national projects

Введение

Период 2020–2025 годов стал этапом фундаментальной проверки на прочность российской модели социального государства. Традиционная система, исторически ориентированная на широкий охват населения и универсальные льготы, столкнулась с кумулятивным эффектом негативных факторов[1]. Пандемия обнажила уязвимость систем здравоохранения и долговременного ухода. Последовавшие экономические трансформации, вызванные геополитическими факторами, потребовали

перераспределения ресурсов при одновременном росте запроса общества на социальную стабильность. Цель данной статьи — выявить структурные сдвиги в социальной политике РФ и оценить адекватность принимаемых мер новым реалиям.

Степень научной разработанности.

Проблематика трансформации социальной политики широко представлена в трудах классиков отечественной науки (В.И. Жуков, Е.И. Холостова). Современные исследователи, такие как Т.Ю. Сивальнева, акцентируют внимание на механизмах совершенствования системы в условиях рыночной экономики. Однако большинство работ не учитывают специфику периода после 2022 года. Новизна данного исследования заключается в комплексном анализе влияния санкционных ограничений и демографического провала на смену парадигмы управления социальным развитием.

Основная часть

1. Демографическое давление и переориентация на семью

Главным стратегическим вызовом остается старение населения и низкая рождаемость. Реализация Национального проекта «Демография», несмотря на беспрецедентное расширение мер поддержки (увеличение материнского капитала, введение единого пособия), пока не привела к качественному перелому тренда[2].

Анализ показывает смещение фокуса с простого материального стимулирования на создание комплексной инфраструктуры:

- Развитие системы долговременного ухода (СДУ).
- Строительство яслей и детских садов в рамках нацпроекта.
- Программы активного долголетия.

Однако сохраняется проблема «ловушки бедности»: размер пособий для некоторых категорий семей приближается к уровню зарплаты низкоквалифицированного работника, что создает риски формирования иждивенческих настроений.

2. Адаптация рынка труда и новые формы занятости

Цифровизация и экономическая трансформация привели к росту нестандартной занятости (самозанятость, платформенная экономика). Это создало правовой вакуум в системе обязательного социального страхования. Лица, работающие вне трудовых договоров, фактически выпадают из пенсионной и страховой моделей.

Государственная политика последних лет направлена на легализацию этого сектора (статус самозанятого), но интеграция этих граждан в полноценную систему социальных гарантий остается незавершенной задачей НИР. Требуется разработка механизмов добровольного или квазиобязательного страхования для гиг-работников.

3. Принцип адресности и роль «Социального казначейства»

В условиях бюджетных ограничений ключевым трендом стала максимальная адресность помощи. Создание института «Социального казначейства» позволило проактивно назначать выплаты без сбора бумажных справок, используя данные ФНС и ЗАГС. Это повысило эффективность расходования средств и снизило административные барьеры.

Тем не менее, алгоритмический подход несет риск исключения («digital divide») пожилых людей и жителей отдаленных территорий, не обладающих цифровой грамотностью.

4. Влияние макроэкономической турбулентности

Санкционное давление привело к разрыву логистических цепочек и инфляционному скачку, что обесценило реальные доходы населения. Социальная политика в этот период выполняла функцию «социального амортизатора». Индексация пенсий и прожиточного минимума опережающими темпами позволила избежать резкого роста уровня бедности, однако нагрузка на региональные бюджеты существенно возросла.

Заключение

Анализ показал, что социальная политика РФ в 2020–2025 гг. перешла в режим «ручного управления» и кризисного реагирования. Наблюдается явный сдвиг от экстенсивной модели к интенсивной, основанной на принципах адресности и инвестиций в человека. Ключевыми точками роста эффективности являются:

1. Завершение интеграции платформенных работников в систему соцстраха.
2. Балансировка бюджета Фонда пенсионного и социального страхования.
3. Преодоление цифрового неравенства при получении госуслуг.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на сценарное моделирование устойчивости системы социального обеспечения при различных вариантах демографического прогноза.

Использованные источники:

Данилова А.О. Социальная политика государства: основные направления и проблемы их реализации // Современные научные исследования и инновации. 2025. № 4[1].

Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 09.10.2007 № 1351).

Моисеев В.В. Социальная политика современной России: монография. – М.: Директ-Медиа, 2023.

Римашевская Н.М., Пациорковский В.В. Демографические перспективы России: монография. – М.: Экономическое образование, 2021.

Сивальнева Т.Ю. Социальная политика и основные направления ее совершенствования: дис. ... канд. экон. наук. – Воронеж, 2022.

Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году : [монография] / отв. ред. В.К. Левашов. – М.: ФНИСЦ РАН, 2023.

Холостова Е.И. Социальная работа и социальная политика: учебник. – М.: Дашков и К, 2021.

Шевяков А.Ю. Неравенство доходов и экономический рост в постпандемийный период // Журнал новой экономической ассоциации. 2022. № 2(54).

Чубарова Т.В. Социальная политика в условиях пандемии: новые риски и ответы // Общество и экономика. 2021. № 7.

Rojkov A. Platform employment and the future of social insurance in Russia // International Labour Review. 2024, Vol. 163(2). P. 289-310.